

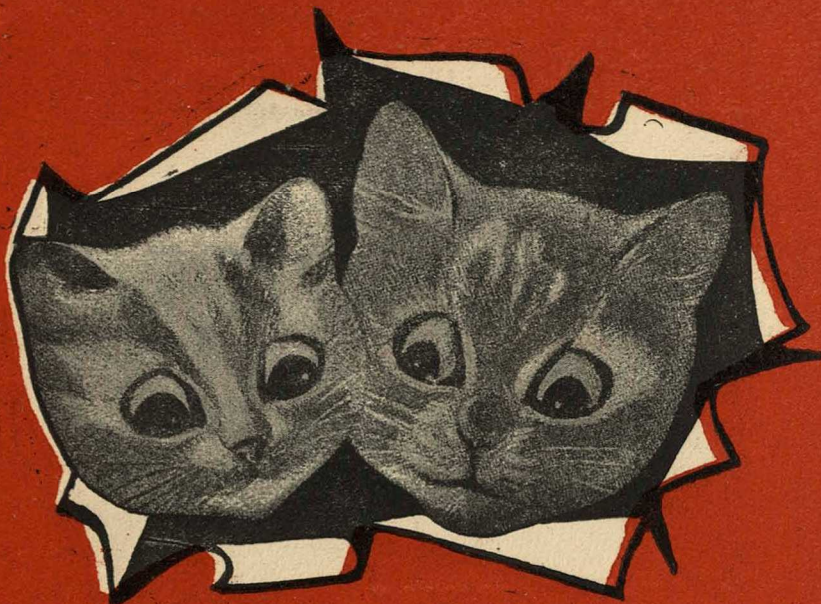
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотекы городскихъ училищъ.

Годъ изданія четвертый.

АВГУСТЪ.

№ 20.

1911.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ЧЕТВЕРО (повѣсть).
ВЪ ГОРОДЫ!
ЗАПИСКИ ВОРОБЬЯ.
ВЪ ГРОЗУ.
МАЛЕНЬКАЯ СИТА.
ГОЛОВОЛОМКИ. РЕБУСЪ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Колымага—для вырѣзанія.
«Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—листъ 11-й.

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Продолжается подписка
на художественно-литературный журналъ для дѣтей
„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“
подъ редакціей **М. П. ЧЕХОВА.**

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 нум. въ годъ). При кажд. нум. приложенія.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой въ годъ **ТРИ руб. 80 к.**

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Каменноостровскій пр., 22.

== ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-го НОЯБРЯ. ==

3 р. 80 к.

съ доставкой
и пересылкой.

Дружокъ.

ЧЕТВЕРО.

ПОВѢСТЬ.

Когда мы вошли утромъ въ столовую, то папа пилъ кофе и просматривалъ газету. Увидѣвъ насъ, онъ улыбнулся и сказалъ мамѣ:

— Прочти-ка дѣтямъ письмо отъ тети Оли.

Мама, тоже съ улыбкою, развернула лежавшее около нея письмо въ зелененькомъ конвертикѣ и стала читать:

„Дорогая сестра. Вотъ уже и июль, мы дожили до половины лѣта, а я все еще такъ и не видала твоихъ четырехъ мартышекъ. Самой побывать у васъ не удалось, а тебя и твоего мужа такъ вѣроятно я къ себѣ и не дождусь. Охота вамъ жить въ пыльной Москвѣ! Удивляюсь, какъ вы тамъ еще не походили съ ума отъ жары. Бѣднымъ дѣтямъ некуда выйдти; должно быть, томятся въ городѣ и рады-бы побѣгать по травкѣ. Пришли ихъ всѣхъ ко мнѣ въ мои Топольки! Домъ у меня помѣстительный, садъ большой, сбоку—рѣка. Пусть себѣ полазаютъ по деревьямъ и побрызгаются въ водѣ! И я сама буду рада, да и твоимъ мартышкамъ будетъ хорошо. Пришли ихъ, не отказывай мнѣ въ этомъ удовольствіи. Я буду ихъ ожидать.

„Итакъ, значитъ, до скорого свиданія. А пока—обнимаю тебя, тво-

его мужа и всѣхъ твоихъ четверыхъ головорѣзковъ. Твоя сестра Ольга“.

Какое счастье! Мы не вѣрили своимъ ушамъ. Коля и Володя запрыгали на мѣстѣ, Ниночка захлопала въ ладоши, а у меня внутри даже что-то задрожало отъ радости.

— Къ тетѣ Олѣ! закричали мы всѣ хоромъ.—Мы поѣдемъ къ тетѣ Олѣ!

И мы подняли страшный шумъ.

— Цыцъ! крикнулъ на насъ папа.—Да уйметесь-ли вы наконецъ?

Мы всегда слушались его и потому сразу-же притихли.

— Я тогда только отпущу васъ къ тетѣ-Олѣ, продолжалъ онъ,—если вы общаете мнѣ быть послушными, почтительными и...

Но мы не дали ему договорить.

— Общаемъ, общаемъ!.. закричали мы.

— Тетя-Оля—старшая сестра вашей мамы и воспитала ее. Вы должны ее за это уважать и любить.

— Будемъ, будемъ уважать! Полюбимъ! Обязательно полюбимъ! Мы будемъ любить ее и днемъ и ночью, будемъ носить за ней ея шаль, разыскивать для нея очки и дѣлать все, что только она ни прикажетъ!

— Вы общаете мнѣ тамъ не объѣдаться, не ѣсть походя...

— Нѣтъ, папочка, нѣтъ!.. Мы будемъ ѣсть одинъ только сухой черный хлѣбъ и пить одну только воду!

— Затѣмъ вы должны будете держать себя чисто и опрятно, не вѣшаться на заборахъ и не рвать на себѣ костюмовъ...

— Если ты, папочка, боишься за наши платья, то мы можемъ даже ходить вовсе безъ нихъ!

Папа и мама засмѣялись.

— Въ такомъ случаѣ послѣ-завтра вы поѣдете къ тетѣ-Ольѣ.

Новый взрывъ радости, визгъ, хлопанье въ ладоши и прыжки. Снова папа кричитъ намъ „цыцъ“ и мы снова сразу-же умолкаемъ.

Затѣмъ мы начинаемъ пить по обычаю молоко и, напившись, гурьбой убѣгаемъ потомъ къ себѣ въ дѣтскую и въ кухню, чтобы подѣлиться съ няней Агулиной и кухаркой Софьей нашей радостью.

— Надя! слышится изъ столовой голосъ мамы.

— Иди, тебя мама зоветъ! говорить мнѣ няня.

Я бѣгу въ столовую, но мама уже въ гостиной. Она сидитъ въ креслѣ у окна и мнѣ кажется, что она печальна.

— Чего тебѣ, мамочка? спрашиваю я.

— Ты будешь писать мнѣ, Надя, изъ Топольковъ каждые два дня?.. говоритъ она. — Ты общаешь мнѣ

это? Ты будешь описывать мнѣ все, все, все!..

— Хорошо, мама... отвѣчаю я. — Я буду тебѣ писать.

— Все, что-бы ни случилось: и хорошее и дурное?

— И хорошее и дурное... отвѣчаю я.

Мама притягиваетъ меня къ себѣ.

— Ты у меня старшая, продолжаетъ она, — и я на тебя надѣюсь. Я скажу мальчикамъ и Ниночкѣ, чтобы они слушались тебя... И ты ихъ отъ всего оберегай.

Боже мой! Я старшая! Мама прикажетъ братьямъ и сестрѣ слушаться меня! Вотъ радость то! Вотъ неожиданный сюрпризъ! Теперь я покажу имъ, что я дѣйствительно большая, и потребую, чтобы они мнѣ повиновались...

Затѣмъ мама отправляется въ чуланъ разыскивать чемоданы, а мы, малыши, принимаемся за укладываніе нашихъ вещей. Коля беретъ съ собой свой барабанъ, шапку, шпагу и пистолетъ, котораго я всегда такъ боялась, Володя что-то заворачиваетъ въ газетную бумагу, Ниночка укладываетъ мячъ и камни, подобранные нами на мостовой во время гулянья по городу. А я, позабывъ, что я большая и что всѣ должны мнѣ повиноваться, вытаскиваю изъ шкафа весь свой кукольный хламъ и тоже начинаю его завертывать въ бумагу.

Вечеромъ кухарка стирала въ

кухнѣ наши мелкія вещи, а на другое утро няня гладила ихъ, а кухарка ушла за провизіей въ лавку, и безъ нея сбѣжало молоко. Вся квартира наполнилась чадомъ. Мама въ это время укладывала чемоданы, папа вскочилъ, сказалъ что у насъ сумасшедшій домъ, и заперся у себя въ кабинетъ, но для насъ, дѣтей, все это было очень забавно. Чтобы помочь мамѣ, мы выдвинули ящики изъ всѣхъ комодовъ и выворотили изъ нихъ все, что только въ нихъ находилось. Когда мама вошла и увидала эту нашу помощь, то она ахнула и разставила насъ по угламъ. А мы такъ ожидали, что она насъ поблагодаритъ! Минуть черезъ пять мы стали всѣ кричать:

— Мама! Прости насъ! Мы больше не будемъ!

Мама простила насъ, тѣмъ болѣе, что папа высунулся изъ кабинета и сказалъ ей:—„Запрети имъ орать!“

Чтобы избавиться отъ насъ, мама послала насъ гулять.

Но вотъ уже и часъ отъѣзда. Мы всѣ уже одѣты спозаранку, съ нами ѣдетъ также и няня Акулина и мы такъ стораемъ отъ нетерпѣнія, что не можемъ усидѣть на мѣстѣ ни одной минуты, и все время бродимъ по комнатамъ и ноємъ:

— Когда-же наконецъ мы поѣдемъ? Скоро-ли придуть эти дурацкіе десять часовъ?

Начинается прощанье. У мамы озабоченное лицо, папа крутитъ свой усъ,—ясно, что оба они взволнованы и озабочены. Они долго насъ крестятъ, по нѣскольку разъ цѣлуются съ нами и говорятъ:

— Смотрите-же, дѣти! Будьте осторожны!.. Слушайтесь няню!.. Пишите!

Но мы не слушаемъ ихъ, стораемъ отъ радости и нетерпѣнія, путаемся у нихъ и у себя подъ ногами и наконецъ, точно выпущенные на свободу, высыпаемъ на крыльцо и начинаемъ устраиваться на извощикахъ.

— Неблагодарные! — говоритъ намъ отецъ.—Радуются, что уѣзжаютъ изъ дому!

Мама еще долго машетъ намъ изъ окна платкомъ, а затѣмъ мы поворачиваемъ за уголъ и ее уже не видимъ.

Всю дорогу до вокзала няня ворчитъ:—Вотъ какіе вы безсердечные! Родители къ вамъ всей душой, а вы даже путемъ проститься съ ними не захотѣли! Точно убѣгаете отъ нихъ!

— Но вѣдь они сами-же насъ посылаютъ къ тетѣ-Оль! возражаетъ Коля.—Развѣ мы ихъ объ этомъ просили?

— И все-таки надо было-бы проститься съ ними понѣжнѣе, продолжаетъ няня.—Гдѣ вы найдете другихъ такихъ папу и маму? Э-э!.. И не глядѣль-бы на васъ! Право!

Изъ дому-то убѣгаютъ, точно изъ острога! Ну, ужъ и дѣти нынче пошли!.. и т. д. и т. д.

Дѣло кончается тѣмъ, что маленькій Володя, разжалобленный ея словами, начинаетъ хныкать. Няня спохватывается и начинаетъ его ласкать.

— Ну, полно, полно!.. говорить она.—Ты у меня хорошій!.. Вы всѣ у меня хорошіе... Во всемъ свѣтѣ нѣтъ дѣтей лучше васъ!..

Затѣмъ мы беремъ билеты и усаживаемся въ вагонъ. Господи, сколько для насъ новаго, неизвѣстнаго, интереснаго! Прежде всего мы начинаемъ спорить, кому изъ насъ сидѣть у окна и послѣ долгихъ препирательствъ устраиваемся у окошка всѣ. Ниночку и Володю мы усаживаемъ на столикъ, а я и Коля становимся около нихъ и поддерживаемъ ихъ, чтобы они не упали. Какъ только двигается поѣздъ, такъ тотчасъ-же няня вытаскиваетъ изъ кармана чулокъ и начинаетъ его вязать. Чулокъ все тотъ-же, что былъ и мѣсяць тому назадъ, и столько-же связанъ, какъ и тогда. Няня вяжетъ его каждый день и интересно знать, куда дѣвается нянино вязанье!

Поѣздъ мчится; передъ нашими глазами развертывается радостная картина лѣсовъ, полей, сель и деревень. Мелькаютъ желѣзнодорожныя будки, тянутся телеграфныя проволоки. Вдалекѣ, на горизонтѣ

виднѣются мельницы и мы не знаемъ на что и смотрѣть, на цвѣты-ли, которые растутъ у самаго полотна желѣзной дороги и которые такъ-бы, кажется, и схватилъ рукой изъ окна, на коровь-ли и овецъ, на ребятишекъ-ли, стоящихъ у паровоза и привычно смотрящихъ на поѣздъ... И глядя на нихъ, мы кланяемся имъ и кричимъ:— „Здравствуйте! Здравствуйте!“

Мы не слышимъ, отвѣчаютъ-ли они намъ, такъ какъ поѣздъ уже пробѣгаетъ мимо и они остаются далеко позади. А няня все вяжетъ и вяжетъ...

— Няня, мы хотимъ ѣсть! вдругъ дѣлаетъ открытіе Коля.

Удивительно, какъ до сихъ поръ не приходило это въ голову и мнѣ? Няня лѣзетъ въ корзинку, достаетъ изъ нея крутыя яйца, пирожки, холодныя котлеты. Мы обступаемъ ее со всѣхъ сторонъ, беремъ отъ нея ѣду и начинаемъ жевать. Какими вкусными кажутся для насъ въ дорогѣ эти надѣвшія уже намъ яйца, эти пріѣвшіяся уже дома котлеты! Мы ихъ ѣдимъ и ѣдимъ и няня не успѣваетъ намъ доставать.

— Ну, вы у меня тутъ съѣдите все! говорить она.—А день-то еще великъ! Чѣмъ я буду кормить васъ потомъ?

Но мы не обращаемъ вниманія на ея слова и продолжаемъ ѣсть за обѣ щеки.

Затѣмъ мы достаемъ наши иг-

рушки и начинаемъ ими играть. Володя рисуетъ, Ниночка вырѣзаетъ картинки, а я и Коля начинаемъ играть въ дурачки. Карты то и дѣло падаютъ на полъ, мы нагибаемся, чтобы ихъ поднять, а въ это время Ниночка путаетъ колоду. Входитъ какой-то мужчина съ широкимъ вѣникомъ и подметаетъ вагонъ. Мы поднимаемъ ноги и онъ выметаетъ изъ подъ нихъ массу сора. Когда это мы успѣли столько насорить!

— Смотри, смотри! вдругъ вскрикнулъ Коля. — Какая собака!

Мы всѣ бросаемся къ окну.

— Это не собака, а лошадь, говоритъ Володя. — Маленькій лошаденочъ.

Няня сдвигаетъ очки на лобъ, тоже смотритъ въ окно и говоритъ: — Это не лошадь, а теленокъ.

Такъ вотъ какіе живые телята! До сихъ поръ мы никогда еще не видѣли ихъ живыми. И мы долго еще смотрѣли на это милое, безобидное животное, удивленными глазами глядѣвшее на поѣздъ.

Какая-то большая станція. Входитъ дама съ массой узелковъ и корзинокъ и помѣщается въ нашъ купе. Она занимаетъ цѣлый диванчикъ одна и такъ насъ стѣсняетъ, что мы начинаемъ враждебно поглядывать на нее и съ первой же минуты задавать себѣ и другъ другу вопросъ: когда же наконецъ она уйдетъ? Но она не уходитъ до ночи и мы забываемъ

о ней только тогда, когда няня укладываетъ всѣхъ насъ спать. Сама няня съ Ниночкой ложатся внизу. Меня и Володю помѣщаютъ на одной верхней лавкѣ, а Колю одного — на другой. Незнакомая дама съ картонками располагается внизу, противъ няни, на нижнемъ диванѣ. Картонки, которымъ не хватаетъ мѣста, она ставитъ около себя на полу.

— Ты не находишь, что здѣсь спать гораздо интереснѣе, чѣмъ дома? спрашиваетъ меня Коля. — Когда я вырасту большой, то я всегда буду спать на чердакѣ или въ кухнѣ на полкѣ.

Я и Володя фыркаемъ и еще долго шепчемся и говоримъ разную чепуху.

Среди ночи — скандалъ. Ниночка свалилась съ дивана и упала прямо на одну изъ картонокъ дамы: потерявъ равновѣсіе, она сѣла на нее, продавila и обратила ее въ лепешку. Бѣдная шляпа! Я видѣла сверху, какъ проснувшаяся няня подняла Ниночку и прижала ее къ себѣ и какъ изъ раздавленной картонки выглянуло жалкое перо и измятые цвѣты. Дама съ ворчаньемъ подняла съ полу руины и еще долго возилась съ ними, увязывая ихъ въ платокъ.

Утромъ мы приѣхали въ Курскъ, пили въ вагонѣ чай изъ большого жестяного чайника и опять ѣли крутыя яйца и холодныя котлеты. Гдѣ-то послѣ Курска дама вышла

изъ вагона и забрала съ собою всѣ свои пожитки. Намъ опять стало просторно и мы снова стали смотрѣть въ окно.

За ночь картина перемѣнилась: теперь уже всѣ избы были бѣленькія, попадались высокіе, пирамидальные тополи и въ открытое окошко влеталъ тепленькій, душистый вѣтерокъ.

— Это мы уже въ Малороссіи, сказала намъ няня.— Здѣсь живутъ хохлы!

Но вотъ уже Ворожба, вотъ уже Бѣлополье, а вотъ ужъ и та станція, на которой намъ выходить. Мы забираемъ свои пожитки, укладываемся кто во что гораздъ, и выходимъ на платформу.

Кучеръ-хохолъ снимаетъ передъ нами барашковую шапку, беретъ отъ насъ вещи и выноситъ ихъ къ экипажу. Мы слѣдуемъ за нимъ, усаживаемся въ экипажъ и по пыльной дорогѣ ѣдемъ къ тетѣ. Вдали передъ нами сверкаетъ большая полноводная рѣка.

— Это Псѣль, говоритъ намъ нашъ кучеръ.

Изъ за группы деревьевъ выглядываютъ красныя крыши съ бѣлыми трубами. Это имѣніе нашей тети. Заслышавъ насъ, къ намъ навстрѣчу выбѣгаютъ собаки и, оскаливъ зубы, начинаютъ злобно лаять. Выходятъ какія-то хохлушки, хохлы, мы вѣзжаемъ во дворъ и видимъ на крыльцѣ какую-то старушку. Завидѣвъ насъ, она вы-

таскиваетъ изъ кармана платокъ, прижимаетъ его къ глазамъ и начинаетъ плакать.

Это наша тетя—Оля.

Мы соскакиваемъ съ экипажа, бросаемся къ ней, виснемъ у нея на шеѣ и начинаемъ ее цѣловать.

— Господи!.. Господи!.. лепечетъ она.— Да васъ-ли я вижу?.. Ужъ не брежу-ли я?.. Ужъ не вижу-ли я васъ, старуха, во снѣ?

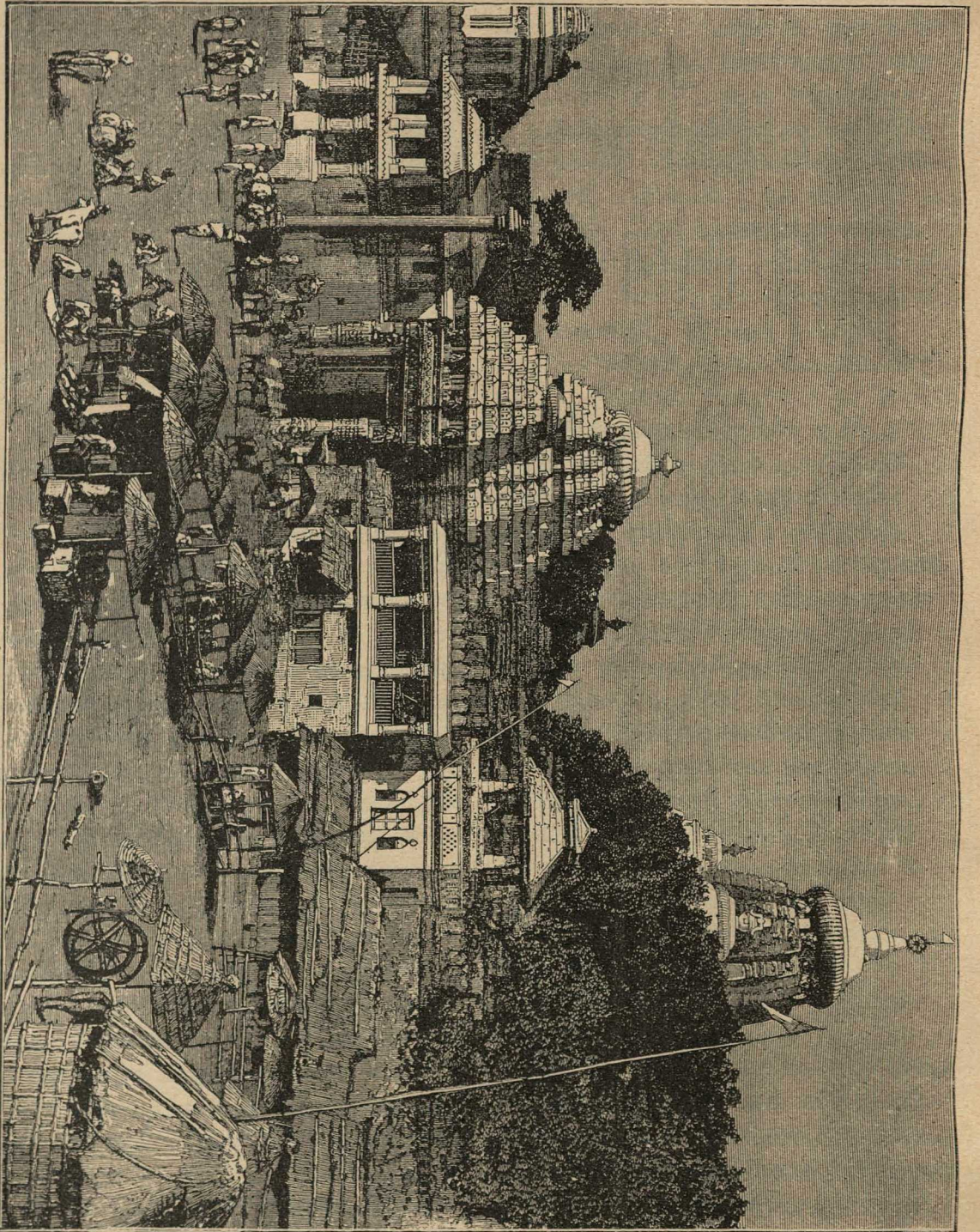
И, собравъ всѣхъ насъ вокругъ себя, она вводитъ насъ въ комнаты и начинаетъ насъ раздѣвать.

Крашенные, чистые полы, устланные дорожками, чистенькіе полосатые обои на стѣнахъ, старинныя печи, на которыхъ были нарисованы какія-то фантастическія птицы и звѣри, и старомодная краснаго дерева мебель произвели на насъ какое то неожиданно-мягкое впечатлѣніе. Намъ показалось, будто мы тутъ родились, будто все это намъ давно уже знакомо и будто мы возвратились сюда изъ далекой поѣздки, а не попали сюда только въ первый разъ.

Мы приѣхали.

Вышла старушка, Марья Θεопентовна, и тоже расплакалась, увидавши насъ. Она вынянчила еще нашу маму и теперь не вѣрила своимъ глазамъ, что у нея уже четверо такихъ взрослыхъ дѣтей, какъ мы.

— Давно-ли, давно-ли, вздыхала она,—я носила Анечку на рукахъ, а вотъ уже и у нея дѣтки! Слава

Передъ храмомъ въ Бенаресъ въ Ост.-Индіи.

У ВОДОПОЯ

Тебѣ, Господи!.. Слава тебѣ, Господи!..

И она тоже цѣловала насъ, но это не удавалось ей, такъ какъ губы ввалились ей въ беззубый ротъ и она только клевала насъ своимъ большимъ, острымъ старческимъ носомъ.

Вышла и экономка тети Оли, высокая, худая, какъ палка, женщина. Она не цѣловала насъ, а просто стрелла насъ всѣхъ въ охапку и повела въ столовую.

— Ну, ѣсть, ѣсть! сказала она.— Нечего тутъ! Люди дорожные! Послѣ успѣете!

Въ столовой уже былъ накрытъ обѣдъ и стояли глубокія тарелки. Насъ всѣхъ усадили за столъ и экономка—Юрьевна налила намъ въ тарелки супу.

— Ъшьте! сказала она.—Проголодались!

Мы всѣ ненавидѣли супъ и состроили недовольныя гримасы. Сбоку насъ сидѣла наша тетя—Оля, ласково смотрѣла на насъ и то одного, то другого изъ насъ гладила по головѣ.

— Кушайте, мартышки! обратилась она къ намъ.—Или, быть можетъ, вы хотите сперва молока?

Я набралась храбрости и сказала:

— Тетечка, милая, мы супу не ѣдимъ!..

— Какъ не ѣдите?! крикнула Юрьевна.—Какъ можно безъ супу? Вотъ я вамъ сейчасъ всѣмъ задамъ!

Володя подумалъ, что она и впрямь намъ задастъ, и сталъ мигать глазами. Вообще у него глаза были на мокромъ мѣстѣ и онъ никогда не упустилъ случая, чтобы не поплакать.

— Ай-ай-ай!.. пристыдила его Юрьевна.—За это я тебѣ не дамъ мороженого. Ъшьте супъ всѣ, а то я выброшу мороженное за окошко свиньямъ.

Какъ!? Для насъ еще приготовлено и мороженное?! Вотъ нежданное счастье! Мы всѣ тотчасъ же принялись за ложки, принадлегли на супъ и мигомъ опустошили наши тарелки. Должна признаться, что такого вкуснаго супа я не ѣла еще никогда.

Затѣмъ намъ подали соусъ изъ баклажановъ и кабачковъ, вареники съ вишнями и со сметаной и наконецъ мороженное. Юрьевна положила его каждому изъ насъ по такой громадной порціи, по какой намъ не клали еще ни разу въ жизни.

— Хотите еще? спросила она, когда мы кончили.

Я нерѣшительно протянула къ ней тарелку и она положила мнѣ опять цѣлую гору.

— Ну, а ты, печерица, что молчишь? обратилась она къ Ниночкѣ.—Дай, я положу тебѣ еще!

Мы всѣ долго смѣялись надъ словомъ „печерица“, что по-хлацики означаетъ „грибокъ“. Глядя на насъ, смѣялись и тетя Оля

и Марья Теоцентовна. Затѣмъ теть Оля повела насъ гулять въ садъ.

— Бѣгайте! Возитесь! сказала она намъ.— Здѣсь ваше царство! Только не подходите безъ старшихъ къ водѣ!

Садъ оказался большимъ, старымъ, спускавшимся къ рѣкѣ. Высокія липы, дубы, осокори и клены сплетались вершинами подъ самымъ небомъ и образовывали собою своды, подъ которыми было прохладно и легко. Въ полянкахъ, между ними росли груши и яблони, сплошь усыпанныя уже поспѣвавшими плодами. Кусты малины, смородины и терна толпились у ихъ стволовъ. Надъ сочной травой рѣяли бабочки и во всѣхъ концахъ стрекотали кузнечики. Съ рѣки доносился концертъ лягушекъ. Все это на насъ подѣйствовало такъ, точно мы видѣли прекрасный сонъ или попали въ сказочную страну.

— Чего-же вы стоите? обратилась къ намъ тетя. — Бѣгайте! Играйте! Здѣсь не городъ!

Мы тотчасъ-же толпою побѣжали по аллеямъ сада и еще долго тетя слышала наши радостные голоса. За ними слѣдомъ бродила наша няня — Акулина, еще не освоившаяся съ мыслью, что здѣсь можно насъ оставить однихъ, и едва за нами поспѣвала. Какіе-то хохлацкіе мальчики и дѣвочки съ любопытствомъ и удивленіемъ поглядывали на насъ, оставаясь въ

сторонѣ. Вѣроятно, это были дѣти домочадцевъ тети—Оли. Мы бѣгали такъ по саду, играли и намъ казалось, что весь міръ созданъ только для насъ однихъ и что въ природѣ вовсе не существуетъ времени, а продолжается только одинъ счастливый мигъ, которому нѣтъ конца. Впереди за садомъ сверкали воды Псла и только по отливавшей на нихъ желтизнѣ мы могли догадаться, что наступилъ уже вечеръ и что пора-бы уже возвратиться домой. Но насъ не звали, а мы были довольны своей судьбой и весь этотъ день промелькнулъ для насъ, какъ счастливый сонъ.

Какъ вдругъ передъ нами выросла длинная, сухая экономка—Юрьевна.

— Что-же это вы?! спросила она. — Придете вы когда-нибудь ѣсть, или нѣтъ? Для кого я варила и пекла? Самой мнѣ, что-ли, все поѣсть?

И взявши на руки Ниночку, она нѣжно прижала ее къ себѣ.

— Пойдемъ, печерица, хоть ты! сказала она.

Видя, что мы нарочно не идемъ за ней, она подбѣжала къ намъ, схватила меня за руку и, дѣлая видъ, будто насильно хочетъ потянуть меня за собой, продолжала:

— Пойдемъ, стрекоза, пойдемъ! Я и до васъ, суслики, доберусь!

И съ громкимъ смѣхомъ мы послѣдовали за ней и всю дорогу,

пока не дошли до дома, мы висли на ней и мѣшали ей идти.

— Вотъ погодите, я васъ всѣхъ запрю въ чуланъ! шутила она.— Вотъ я васъ всѣхъ сейчасъ посажу въ мѣшокъ! Я вамъ задамъ!

И пока она собиралась намъ задать, мы всѣ уже сидѣли за столомъ, ѣли за обѣ щеки, а около насъ ходила тетя Оля и подкладывала намъ еще и еще.

— Кушайте на здоровье! говорила она.— Здѣсь не Москва и не Петербургъ! Ыщите до сыта, набирайтесь силъ!

А у стѣны сидѣла Марья Θεопентовна, качала головой и не могла на насъ взглянуть.

— Давно-ли, давно-ли, повто-

ряла она,—я носила Анечку на рукахъ, а вотъ ужъ и у нея дѣтки! Слава тебѣ, Господи!.. Слава тебѣ, Господи, что дождалась!

Затѣмъ насъ повели спать. Я не помню, какъ я дотащила до кровати. Помню только, что Ничочка зазѣвала уже за столомъ, а Володя жевалъ, и въ то-же время спалъ.

Насъ всѣхъ четверыхъ помѣстили въ одной большой комнатѣ съ голубыми обоями и около каждого изъ насъ было поставлено по стакану какой-то вкусной фруктовой воды на случай, если-бы мы, проснувшись, захотѣли пить.

Но мы такъ и не проснулись до самаго утра.

(Продолженіе слѣдуетъ).

М.—скій.

ВЪ ГОРОДЪ!

Забравши столъ, диванъ,

кровать

И уложивши ихъ на клячу,

Мы покидаемъ нашу дачу

И ѣдемъ въ городъ зимовать.

Кругомъ уныло, дождь идетъ

И тамъ, гдѣ собранъ хлѣбъ

озимый,—

Прозябшій весь, невозмутимый,

Бредеть покорно мокрый скотъ.

Но вотъ и городъ. Всѣ бѣгутъ,

Спѣшатъ куда-то, ѣдутъ, мчатся...

Теперь за дѣло приниматься!

Здѣсь ждетъ и насъ тяжелый трудъ!..

Ирисъ.

ЗАПИСКИ ВОРОБЬЯ.

Многія животныя разсказываютъ про свою жизнь и про свои приключенія. И вотъ мнѣ тоже пришло на мысль описать мои приключенія, несмотря на то, что я самый простой обыкновенный воробей.

— Приключенія воробья! скажете вы, сдѣлавъ недовольное выраженіе лица. Это, навѣрное, такъ не интересно!

Но что дѣлать, выслушайте меня.

Я родился въ одномъ изъ прекрасныхъ парковъ средней Россіи.

Наше гнѣздо было расположено на верхушкѣ развѣсистаго дуба, гдѣ жили также и другія птицы: синица, коноплянка и дрозды. Всѣ они высиживали тамъ своихъ птенцовъ.

У меня были два брата и сестра, всѣ трое очень милые и забавные воробьи. Они смиренно сидѣли въ гнѣздѣ и спокойно ждали, когда отецъ или мать принесутъ имъ поѣсть. Въ противоположность имъ я былъ очень подвижнымъ и неспокойнымъ. Я безъ конца влѣзалъ на ихъ спины, чтобы видѣть, что происходило внѣ нашего гнѣзда, и моя бѣдная мать прилагала всѣ усилія, чтобы предостеречь меня отъ паденія на землю.

Однажды, когда свечерѣло, но было еще совсѣмъ свѣтло, нашъ отецъ приказалъ намъ лечь спать.

Птицы ложатся рано и потому было слышно только тихое щебетанье въ полголоса: всѣ наши сосѣди уже укладывались на ночлегъ.

У меня не было ни малѣйшаго желанія спать и я то и дѣло высовывалъ свой носъ за край гнѣзда. Отецъ тихонько клюнулъ меня. Ослушаться его было невозможно, такъ какъ онъ не переносилъ возраженій. Мои братья и сестра давно уже спали, прижавшись одинъ къ другому; и чтобы не разсердить отца я тоже крѣпко закрылъ глаза, но не для того, чтобы спать, а для другого. Я сталъ мечтать о томъ счастливомъ днѣ, когда мои крылья выростутъ настолько, что я смогу летать повсюду, куда только захочу, и когда не будетъ уже такъ строго посматривать на меня мой отецъ.

— Я тебя увѣряю, мой дорогой, вдругъ услышалъ я голосъ своей матери, тихонько начавшей разговаривать съ отцомъ, — я увѣряю тебя, что я дѣлаю все, чтобы только онъ сталъ спокойнѣе. Правда, онъ гораздо шаловливѣе другихъ; но вѣдь онъ самый старшій и я думаю, не пора-ли ему уже начать вылѣтать изъ гнѣзда.

Это мать говорила отцу обо мнѣ; я былъ въ восторгѣ отъ этихъ ея словъ, но не открывалъ глазъ, чтобы не подумали, что я не сплю.

— Ты можетъ-быть и права, отвѣтилъ отецъ,—но это будетъ видно завтра. Завтра я сдѣлаю ему испытаніе.

На этомъ ихъ бесѣда и прекратилась, но съ меня было достаточно исполнѣ. Какъ я мечталъ всю эту ночь! Сколько подвиговъ я совершалъ, въ которыхъ я былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ! Когда-же наконецъ сонъ сомкнулъ мнѣ глаза, то заря уже начала золотить верхушку нашего дуба.

На другой день былъ мой первый урокъ летанія. Подъ терпѣливымъ и разумнымъ управленіемъ отца я началъ летать и держался въ воздухѣ очень недурно. Вскорѣ всѣ наши сосѣди слетѣлись къ нашему гнѣзду и одобрительно поглядывали на меня и на моего отца.

Мать съ гордостью дала мнѣ великолѣпнаго червяка и двухъ хорошенькихъ вкусныхъ мушекъ.

Съ тѣхъ поръ я быстро выучился летать. Я предпринималъ всевозможныя прогулки въ томъ паркѣ, гдѣ находился нашъ дубъ, и вскорѣ зналъ уже всю мѣстность вокругъ до мельчайшихъ подробностей. Я научился вскорѣ находить себѣ пищу самъ, зналъ мѣста, гдѣ жили мушки пожирнѣе и гдѣ водились самые сочные и питательные червячки.

Мой смѣлый и рѣшительный видъ далъ мнѣ право думать, что я родился для того, чтобы стать зна-

менитымъ среди птицъ и съ тѣхъ поръ это стало цѣлью всѣхъ моихъ поступковъ.

Моя жизнь протекала спокойно и счастливо. Мои братья и сестра развивались въ свою очередь и наши родители гордились нами.

Каждый вечеръ я возвращался къ себѣ въ гнѣздо, чтобы укрыться подъ крылышкомъ матери, и теперь, когда я былъ свободенъ, я высоко цѣнилъ это нѣжное убѣжище. Мы съ уваженіемъ слушали ея совѣты, такъ какъ она была очень опытна и учила насъ не довѣрять людямъ и не попадаться кошкамъ въ лапы.

— Остерегайтесь, дорогія дѣтки, кошекъ и хищныхъ птицъ, говорила она намъ.—Это наши самые главные враги.

Мудрые совѣты матери были совершенно различно воспринимаемы нами: моя сестра всегда дрожала при мысли, что она можетъ попасться въ когти къ коршуну; мои братья обѣщали всегда быть на-сторожѣ, а я одинъ смѣялся въ душѣ и надъ людьми и надъ кошками, и надъ коршуномъ, и былъ увѣренъ, что избѣгну ихъ всегда, благодаря моимъ молодымъ рѣзвымъ крыльямъ.

На другой день, рано утромъ, я улетѣлъ съ намѣреніемъ сдѣлать далекую прогулку. Погода была превосходная, солнце свѣтило во всемъ своемъ блескѣ; птицы весело пѣли; покрытые еще росой цвѣты,

испускали дивный ароматъ; лѣсъ былъ восхитителенъ и я, впивая въ себя всю прелесть жизни и молодости, весело защебеталъ и полетѣлъ.

Пролетавъ нѣкоторое пространство, то и дѣло останавливаясь по пути, чтобы схватить мушку или наброситься на червяка, я очутился наконецъ на берегу широкой, красивой рѣчки, по сравненію съ которой ручеекъ, пробѣгавшій около нашего дуба, казался дѣтской игрушкой. Я зналъ, что эта была Ока.

Я долгое время носился вдоль рѣчки, любуясь ея водой, плившими по ней баржами и плотами и ея красивыми берегами. Было жарко. Солнце стояло уже высоко. Я оглянулся вокругъ и вдругъ увидѣлъ на противоположной сторонѣ большой тѣнистый паркъ; тамъ я рѣшилъ отдохнуть.

Ока въ этой мѣстности была очень широка; мысль, что я, въ случаѣ усталости, могу упасть въ рѣчку, заставила меня немножко забеспокоиться, но такъ какъ я отъ природы былъ очень храбръ, то скоро уже поборолъ свой страхъ и высоко поднялся надъ рѣкой.

Какъ только я поднялся надъ водой, мною овладѣло какое-то опьяненіе при мысли, что съ этихъ поръ я сталъ такимъ-же смѣльчакомъ, какимъ былъ и мой отецъ.

Здоровый и невредимый я прилетѣлъ въ пышный паркъ и сѣлъ

въ немъ на дубъ, напоминавшій тотъ, на которомъ я родился. Отъ радости я зачирикалъ во все горло такъ хорошо, что старая ласточка услышавъ мое пѣнье, приблизилась ко мнѣ и сказала:

— Что это ты такъ орешь?

— На это есть своя причина, отвѣтилъ я ей. — Я перелетѣлъ сейчасъ эту широкую рѣчку въ первый разъ въ жизни и не испытываю ни малѣйшей усталости!

Я ждалъ по крайней мѣрѣ хоть какойнибудь похвалы, но ласточка громко засмѣялась.

— Онъ перелетѣлъ черезъ Оку! воскликнула она, едва въ состояніи говорить отъ смѣха. — Вотъ удивительное-то дѣло!

И она снова принялась хохотать.

— Я въ этомъ не нахожу ничего смѣшного, замѣтилъ я.

— Да знаешь-ли ты, глупый воробей, воскликнула она, — что мы, ласточки, прежде всего путешественницы и я въ первый разъ въ жизни перелетѣла не черезъ Оку, а черезъ Черное море! Ты понимаешь теперь, почему твоя радость меня такъ смѣшитъ?

— Море?! проговорилъ я въ удивленіи.

На ея смѣхъ слетѣлись три другія ласточки.

— Что случилось? спросили онѣ.

Старая ласточка указала имъ на меня.

— Этотъ дурень доволенъ, что перелетѣлъ черезъ Оку, повторила

Дождальсь!

Въ лѣсной прохлаждѣ.

она, едва сдерживая смѣхъ. Неправда-ли, какъ это забавно? Вотъ истинный храбрецъ!

Три ласточки тоже захохотали, и я улетѣлъ въ отчаяніи, преслѣдуемый смѣхомъ и этими жестокими ихъ словами:

— Онъ перелетѣлъ черезъ Оку! Ха-ха-ха!.. Онъ перелетѣлъ черезъ Оку! Вотъ удивительный храбрецъ!

Это маленькое приключеніе имѣло на меня большое вліяніе.

Какъ я уже говорилъ, я мечталъ только объ одномъ: путешествовать и искать приключеній, а тутъ ласточки сразу-же указали мнѣ на то, что перелетѣть черезъ Оку еще не было великимъ поступкомъ. И съ затаеннымъ желаніемъ попытать свое счастье впереди, я возвратился вечеромъ къ себѣ обратно въ гнѣздо.

— Хорошо-же! говорилъ я про себя, думая о ласточкахъ.—Я докажу вамъ, что и воробей съумѣетъ перелетѣть черезъ море!

Въ одинъ прекрасный сентябрьскій день я распрощался съ моими родителями, выслушалъ послѣдніе совѣты отца и улетѣлъ въ далекій путь на самостоятельную жизнь. Случайно я попалъ въ большой городъ съ массой церквей, избралъ тамъ мѣстомъ моего пребыванія огромный садъ какого-то монастыря и рѣшилъ провести тамъ подъ крышей зиму.

Зима въ этотъ годъ была очень суровая, но я не нуждался ни въ

чемъ, потому что одна монахиня приносила на скотный дворъ столько корму, что вполне хватало и для куръ, и для меня.

Насталъ Декабрь. Холодъ былъ ужасный, но погода — превосходная. Ученицы монастырской школы, не смотря на теплую одежду, перестали выходить на воздухъ и играть въ саду, а я, сидя на вѣткѣ и свернувшись клубочкомъ, чтобы мнѣ было потеплѣе, погружался въ сонъ. И вдругъ въ одинъ изъ такихъ дней я почувствовалъ, какъ комомъ свалился съ вѣтки прямо на землю и лишился чувствъ... Я сталъ замерзать...

Когда-же я пришелъ въ себя, то какая-то монахиня старалась влить мнѣ въ стиснутый клювъ нѣсколько капель теплой воды.

— Бѣдняжка, говорила она, — онъ весь ооченѣлъ... Его надо отогрѣть...

Открывъ глаза, я услышалъ радостные крики:

— Ахъ, сестрица, онъ живъ! Какое счастье! Дайте мнѣ его, пожалуйста!

— Мнѣ, сестрица, мнѣ!

— Нѣтъ, мнѣ!

„Увы! подумалъ я въ ужасѣ, — онѣ хотятъ меня посадить въ клѣтку“!

Я попробовалъ пошевелиться, но почувствовалъ страшную боль въ головѣ и не могъ поднять лапку!

Это открытіе было дополненіемъ къ моему несчастью. Сестрица,

между тѣмъ, внимательно осмо-
трѣла меня со всѣхъ сторонъ.

— Не нужно его трогать, дѣтки:
сказала она;—у него сломана нога;
падая съ вѣтки, онъ сломалъ себѣ
ее; я надѣюсь, что мы вылѣчимъ
его.

Монахиня забинтовала мнѣ ногу
и почти сейчасъ же я почувство-
валъ облегченіе.

— Что вы съ нимъ будете дѣ-
лать, сестра? спросила дѣвочка-
сирота Маня, жившая и учившаяся
въ монастырѣ.

— Я буду ухаживать за нимъ,
отвѣтила монахиня. — Когда онъ
поправится, то я выпущу его на
свободу.

Эти послѣднія слова наполнили
мою душу радостью и я подумалъ,
что люди вовсе ужъ не такъ злы,
какъ я думалъ.

— Сестра, возразила другая уче-
ница,—отнесите его къ Надѣ, это
ее развлечетъ и она будетъ забо-
титься о немъ.

Монахиня подумала и согласи-
лась. Сопровождаемая толпой по-
другъ, Маня унесла меня къ Надѣ.

— Бѣдняжка, говорила она, при-
жимая меня къ лицу,—тебѣ будетъ
хорошо! Надя такая добрая!

Я узналъ, что Надя тоже была
подобранной на улицѣ сиротой и
тоже жила въ монастырѣ. Она была
больна, не могла заниматься въ
классѣ и потому одна изъ мона-
хинь ходила къ ней и читала ей
то, что проходили въ школѣ.

Пройдя длиннымъ корридоромъ
и поднявшись по лѣстницѣ, дѣ-
вочки остановились у одной изъ
дверей и постучали.

— Во имя Отца, Сына и Свя-
таго Духа... Можно войти? спро-
сили онѣ.

— Аминь... Войдите, отвѣтилъ
чей-то дѣтскій голосъ.

Онѣ вошли и Маня положила
меня въ худенькую ручку больной.

— Возьми, Надя, этого бѣднаго
воробья, сказала она.—Сестра Се-
рафима перевязала ему ножку и
мы отдаемъ его тебѣ: съ нимъ тебѣ
будетъ веселѣе...

Надя покраснѣла отъ удоволь-
ствія и погладила меня пальчикомъ
по спинѣ.

— Какія вы добрыя, сказала она
радно.—Спасибо вамъ... Теперь
я буду имъ играть...

Дѣвочки кивнули головками и
ушли.

Надя ласково осмотрѣла меня
со всѣхъ сторонъ.

— Бѣдненькій, сказала она,—ты
такъ же боленъ, какъ и я! Но ты
поправишься скоро, а я...

Она глубоко вздохнула и я по-
чувствовалъ жалость къ этой дѣ-
вочкѣ.

Съ этого момента я потерялъ
свою свободу. Теперь я былъ уже
въ плѣну. И я долженъ сознаться,
что это было для меня тяжелой
потерей и если-бы я былъ здоровъ,
то употребилъ-бы все свои усилія,
чтобы вырваться изъ комнаты и

улетѣть. Но въ концѣ концовъ я привыкъ, сжился съ своею судьбою, тѣмъ болѣе, что меня любили и обходились со мною хорошо, да и я самъ скоро привязался къ моей хозяйкѣ. Бѣдная! Вся жизнь ея протекла далеко не весело. Брошенная на произволъ судьбы, она оказалась на мостовой одна, подъ холодомъ и дождемъ, и не знала, куда идти. Ее подобрали, отнесли въ участокъ и затѣмъ рѣшили отдать въ монастырскій приютъ. Не нужная никому, забытая своими родными, если только они были у нея, она нашла здѣсь ласку и привѣтъ, улыбнулась новой, открывавшейся передъ нею жизни, но тутъ явился тяжкій недугъ и всю зиму она сидѣла въ четырехъ стѣнахъ и не выходила на воздухъ.

— Когда я выздоровѣю, мечтала она,—то мы будемъ съ тобой, воробышекъ, гулять, собирать цвѣты и играть въ монастырскомъ саду...

Моя нога быстро поправлялась и до самой Пасхи я оставался у Нади и все болѣе и болѣе привязывался къ этой несчастной дѣвочкѣ, которую подтачивалъ какой-то серьезный недугъ. Она не сажала меня въ клѣтку, предпочитая лучше совсѣмъ растаться со мной, чѣмъ видѣть меня у себя въ тюрьмѣ. Я былъ тронутъ ея добротою и рѣшилъ не покидать ее до тѣхъ поръ, пока она не захочетъ этого сама, тѣмъ болѣе, что я сознавалъ, что доставляю ей послѣднее удовольствіе.

Однажды ея кровать поставили передъ открытымъ окномъ. Была весна, солнце освѣщало ее всю и играло въ ея золотистыхъ волосахъ. Изъ монастырскаго сада доносилось веселое щебетанье птицъ и меня такъ потянуло на воздухъ, на свободу, въ широкую даль полей, въ необъятную высь неба, что я хотѣлъ было оставить ее, покинуть ее, больную, одну и улетѣть. Но я сдержалъ себя, сѣлъ къ ней на плечо и сталъ чирикать такъ, точно находился на свободѣ. Она глядѣла, не мигая, въ окно и, казалось, не слушала моего привѣта веснѣ.

Вошла сестра-Серафима и принесла ей чего-то поѣсть. Увидѣвъ меня у нея на плечѣ, передъ открытымъ настезь окномъ, она удивилась моей преданности и улыбнулась во все лицо.

— И создастъ-же такъ Господь! сказала она. — Вотъ тварь божія какъ привязалась къ человѣку, что не желаетъ улетать! А вѣдь простой воробей!

— Сестра, вдругъ обратилась къ монахинѣ Надя.—Вѣдь, вы не посадите безъ меня моего маленькаго воробушка въ клѣтку? Да? Пусть онъ улетитъ, когда меня не будетъ больше здѣсь...

Монахиня обѣщала ей исполнить всѣ ея желанія и недѣлю спустя я получилъ уже свободу. Мать-Серафима сама выпустила меня въ окно.

— Лети, сказала она, — и молись за нее!..

Я улетѣлъ въ садъ, но не могъ радоваться. Я не могъ забыть блѣднаго, исхудалаго личика Нади.

Ночь я провелъ на томъ самомъ деревѣ, съ котораго когда-то свалился въ жестокий морозъ.

Было уже совсѣмъ свѣтло, когда я проснулся.

Вдругъ я услышалъ медленный, печальный звонъ колокола, который заставилъ меня вздрогнуть. Я увидѣлъ въ саду двухъ молодыхъ послушницъ, собиравшихъ бѣлые цвѣты и дѣлавшихъ небольшой вѣнокъ.

— Бѣдная дѣвочка, сказала одна изъ нихъ шопотомъ. Но ей теперь, навѣрное, лучше, чѣмъ было здѣсь...

— Да, возразила другая, но матушка-Серафима очень опечалена и всѣ ученицы тоже жалѣютъ свою подругу. Онѣ всѣ такъ любили Надю!

Послѣдняя фраза мнѣ все объяснила и я остался на мѣстѣ, пораженный такимъ несчастьемъ. Какъ! она умерла, бѣдная, дорогая дѣвочка, которую я такъ любилъ и которой я былъ преданъ всѣмъ моимъ маленькимъ птичьимъ сердечкомъ! Я уже никогда больше не услышу ея мягкаго, тихаго голоса, зовущаго меня! Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось увидѣть ее, посидѣть у нея на ручкѣ и чувствовать на себѣ прикосновеніе ея щеки!

И я рѣшилъ немедленно-же увидѣть свою подругу. Я быстро полетѣлъ къ ея окну, откуда всегда выглядывало ея милое, худенькое личико.

Увы! Сегодня тамъ не было никого. Въ ея высокомъ креслѣ не сидѣлъ уже больше никто! Не видно было ея золотистыхъ кудрей, спадавшихъ до самаго сидѣнья кресла! Окно было полу-открыто, сторы спущены, но благодаря моей маленькой величинѣ, я проскользнулъ внутрь комнаты.

— Гдѣ она? Гдѣ моя маленькая госпожа?

Я никогда не забуду этой картины: бѣдная дѣвочка лежала спокойная, улыбающаяся, какъ-будто только что заснула; въ рукахъ она держала маленькій образокъ, но ея прекрасные глазки были навсегда закрыты. Передъ кроватью мать-Серафима и двѣ ученицы молились и громко плакали.

... На третій день я присутствовалъ, сидя на акаціи, на печальной процессіи; никогда я не забуду какъ звонили уныло колокола, какъ раздавалось въ воздухѣ пѣніе ученицъ и какъ всѣ плакали.

Я полетѣлъ въ цвѣтникъ, сорвалъ розу и, когда всѣ разошлись, бросилъ ее на свѣженькую могилку Нади.

Вскорѣ я улетѣлъ оттуда навсегда. Мнѣ было тяжело оставаться тамъ, гдѣ все напоминало мнѣ о Надѣ.

И вотъ я снова лечу въ объятія мы, воробьи, можемъ перелетать
неизвѣстности. Я докажу, я дол- черезъ моря.
женъ доказать ласточкамъ, что и И я отправился въ далекій путь.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Л.

ВЪ ГРОЗУ.

Весь день была жара и самый воздухъ париль,
Притихло все, все стало ждать грозы,
Хотѣлось, чтобы громъ ударилъ
И съ облаковъ скатилися хоть двѣ иль три слезы.
И вотъ по небу облачка поплыли,
За ними двинулись громады сизыхъ тучъ.
Пронесся вѣтеръ вдругъ, помчались вихри пыли
И солнечный померкъ послѣдній лучъ.
Дождь брызнулъ и затѣмъ полилъ ручьями лихо
И грянулъ громъ и молніи летятъ...
Всѣ крестятся и въ страхѣ шепчуть тихо:
— „Святъ, святъ, святъ, святъ!..“

N. N.

МАЛЕНЬКАЯ СИТА.

Стоило только какому-нибудь путешественнику или богомольцу-пилигриму пріѣхать въ Индію и побывать на берегахъ священной рѣки Ганга, какъ они неизмѣнно задавали всегда одинъ и тотъ-же вопросъ:

— Чьи это обширные сады, въ

которыхъ, среди распускающихся цвѣтовъ порхаютъ красивыя птицы? Кому принадлежатъ эти рисовыя поля, эти спѣющія на солнцѣ пажити, эти лѣса, шелестящія листвою отъ вѣтерка? Кому принадлежитъ этотъ дворецъ изъ разноцвѣтнаго мрамора?

И всякій имъ на это отвѣчалъ: — „Сады, рисовыя плантаціи, хлѣбныя поля, лѣса, дворець—все это принадлежитъ Ифизу. Онъ не даромъ прозванъ богатымъ. Его Владѣнія неизмѣримы, онъ самъ не знаетъ, сколько у него въ желѣзныхъ сундукахъ золота и драгоценныхъ каменьевъ. И все это, все это онъ бережетъ для своей дочери Мелеиды, въ которой не чаешь души. Она еще дитя, ей нѣтъ еще и десяти лѣтъ. Она такъ прекрасна, что при видѣ ея птицы перестаютъ пѣть и все въ природѣ умолкаетъ. Ифизъ любитъ свою дочь больше всего на свѣтѣ, больше даже, чѣмъ свои богатства и самую жизнь. Ифизъ распоряжается тысячами людей, но самъ во всемъ подчиняется своей Мелеидѣ“.

И вдругъ страшная болѣзнь, одна изъ тѣхъ эпидемій, которыя часто постигаютъ жаркія мѣстности, появилась и на берегахъ Ганга. Мелеида заразилась и занемогла. Лучшіе врачи были приглашены къ ней и проводили у ея изголовья дни и ночи; Ифизъ сдѣлалъ кличъ по всемъ сосѣднимъ странамъ и вотъ изъ Персіи пришелъ къ нему какой-то пустынный, который, какъ увѣряли, могъ воскрешать даже мертвецовъ. Ифизъ обѣщалъ ему золотыя горы, но и онъ не могъ подѣлать ничего: Мелеида умерла. Тогда, обезумѣвъ отъ горя, богатый индусъ проплакалъ цѣлыя

пятнадцать дней и ночей. Затѣмъ, однажды утромъ, онъ приказалъ запереть всѣ двери въ своемъ дворцѣ, собралъ отъ нихъ ключи, связалъ ихъ въ одну пачку и передалъ ихъ своему управителю.

— Береги домъ въ мое отсутствіе, сказалъ онъ ему,—я не знаю, когда вернусь обратно. Я отправляюсь бродить по всему свѣту и, быть можетъ, мнѣ удастся возвратитъ потерянное счастье или по крайней мѣрѣ хоть позабыть о томъ ударѣ, который свалился мнѣ на плечи!

И онъ уѣхалъ. Это было одно изъ далекихъ путешествій, полныхъ интереса и приключеній; посѣтивъ столько различныхъ странъ другой на его мѣстѣ давно-бы ужъ успокоился сердцемъ и окрѣпъ душою, но Ифиза не интересовало ничто. Переѣзжая съ мѣста на мѣсто, онъ не видѣлъ ничего. Цѣлые пять лѣтъ онъ все ѣхалъ и ѣхалъ впередъ, безъ всякой цѣли и ничто не привлекало къ себѣ его вниманія. Подъ горячимъ небомъ тропиковъ, среди изумительныхъ растений и цвѣтовъ, на безжизненныхъ снѣговыхъ равнинахъ дальняго сѣвера онъ брелъ или ѣхалъ, опустивъ книзу глаза и все время не переставалъ думать о своемъ ребенкѣ. Ничто не могло заинтересовать его настолько, чтобы разсѣять его печаль: все напоминало ему Мелеиду. И вотъ, потерявъ всякую надежду найти успокоеніе

въ путешествіи, отчаявшись въ прежнемъ счастѣ, Ифизъ рѣшилъ наконецъ возвратиться къ себѣ домой. Прибывши въ Индію, онъ все нашель въ отличномъ порядкѣ: деревья разрослись, стада умно-

тели, чтобы онъ не умеръ съ голоду, приносили ему черствый хлѣбъ и кувшинъ съ водою. Здѣсь, одѣтый въ рубище, оставаясь одинъ на одинъ съ природой, въ молчаніи лѣса и въ темнотѣ ночи, Ифизъ

Добываніе губокъ у береговъ Греціи.

жились, богатства наполнили еще нѣсколько сундуковъ. Но Ифизъ даже не обратилъ на все это ни малѣйшаго вниманія. Онъ приказалъ выстроить для себя въ глубинѣ лѣса уединенную хижину, поселился въ ней и мѣстные жи-

думаль о своей дочери, о потерянномъ счастѣ и плакалъ.

И всѣ его богатства такъ и стояли безъ него, не нужны ему, но быть можетъ нужны для тѣхъ, кому нечего было ѣсть. Но онъ думалъ только объ одномъ себѣ, о своемъ

неутѣшномъ горѣ и ему даже не приходило въ голову, что гдѣ-то есть другая жизнь, полная отчаянія, тоски и безысходной нищеты.

Однажды, идя по опушкѣ лѣса, онъ увидалъ вдругъ маленькую дѣвочку лѣтъ десяти. Она сидѣла на стволѣ упавшаго дерева и горь-

дрожию въ голосѣ, но твердо и серьезно.

— О чемъ ты плачешь? Зачѣмъ на глазахъ у тебя слезы? Вѣдь ты сейчасъ въ такомъ возрастѣ, что только-бы пѣть пѣсни да рѣзвиться!

— У насъ случилось горе, от-

Жилище въ Индо-Китаѣ.

ко плакала. Своими большими черными глазами, длинными рѣсницами и подбородкомъ она напоминала ему его дочь Мелеиду. Ему захотѣлось поближе рассмотреть ее и онъ подошелъ къ ней:

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ онъ ее.

— Сита, отвѣтила дѣвочка съ

вѣтила она.—Долгіе дожди затопили наши поля, а градъ выбилъ всѣ наши посѣвы, какая-то болѣзнь напала на наше стадо и все оно околѣло; теперь у насъ нѣтъ ничего и намъ нечѣмъ жить; мой отецъ возьметъ палку, котомку и пойдетъ теперь побираться по міру, какъ нищій...

И она снова залилась слезами.

— Пойдемъ со мной, сказала ей Ифизъ.

И вотъ богатѣйшій человекъ въ мірѣ и бѣднѣйшая въ мірѣ дѣвочка взяли за руки и побрели вмѣстѣ въ лѣсъ. Въ первый разъ за столько лѣтъ Ифизъ замѣтилъ, что и у другихъ людей тоже бываетъ тяжкое горе. Онъ ввелъ дѣвочку къ себѣ въ хижину, досталъ кусочекъ пергамента и написалъ на немъ нѣсколько словъ.

— Иди, сказалъ онъ. — Отнеси эту записку во дворецъ Ифиза. Ты вѣроятно слышала о немъ...

Дѣвочка съ удивленіемъ посмотрѣла на него.

— Да, отвѣтила она, — я слышала о немъ. — Но самъ хозяинъ теперь находится въ отсутствіи, а его слуги прогоняютъ меня.

— Почему-же они прогоняютъ тебя?

— Они всегда прогоняютъ бѣдныхъ и некрасиво одѣтыхъ.

— Зачѣмъ-же они это дѣлаютъ?

— Чтобы ихъ господинъ видѣлъ вокругъ себя всегда одно только пріятное.

— Для чего-же это нужно?

— Онъ очень богатъ и могущественъ и мой отецъ говорилъ мнѣ, что его слуги всегда ему льстятъ и скрываютъ отъ него правду. Если-бы Ифизъ увидѣлъ всѣхъ бѣдняковъ, которые живутъ неподалеку отъ него, то онъ помогъ-бы имъ и не позволилъ-бы сво-

имъ слугамъ бездѣльничать и жить праздно на его счетъ.

Ифизъ слышалъ эти слова въ первый разъ.

— А развѣ въ моихъ владѣніяхъ, спросилъ онъ, — есть кто-нибудь такой-же бѣдный, какъ и ты?

— Есть тысячи людей бѣднѣе меня, отвѣтила Сита.

Ифизъ нахмурился.

— Иди-же во дворецъ, сказалъ онъ, — слуги не посмѣютъ тебя прогнать.

— Но я не осмѣлюсь подойти къ такому богатому дворцу.

— Иди!..

Сита нерѣшительно отправилась въ путь. Полная изумленія, она прошла черезъ залитые солнцемъ, пестрѣвшіе цвѣтами сады дворца, миновала раззолоченныя бесѣдки и, не сказавъ ни слова, дрожа отъ страха, молча протянула управителю Ифиза письмо. Онъ удивился, оглядѣлъ ее со всѣхъ сторонъ, пожалъ плечами и съ неудовольствіемъ сказалъ:

— Завтра мы отправимъ къ твоему отцу сто быковъ и сто коровъ, выстроимъ ему новое жилище, отведемъ ему новыя поля и позаботимся о томъ, чтобы онъ ни въ чемъ не имѣлъ нужды. Однимъ словомъ мы исполнимъ все, о чемъ написано на этой запискѣ. Такъ ты тому отшельнику и передай!

Сита удалилась, сама не понимая, какъ все это произошло. И

дѣйствительно, на слѣдующій день ея отецъ изъ бѣдняка превратился вдругъ въ богатаго крестьянина. И Ифизъ въ первый разъ за всю свою жизнь видѣлъ настоящую, неподдѣльную радость: онъ сдѣлалъ несчастныхъ счастливыми. Видя, какъ они прыгали всѣ отъ радости и распѣвали пѣсни, онъ улыбнулся. Столько уже лѣтъ онъ не улыбался! А Сита, не зная, что онъ и есть тотъ самый Ифизъ, которому принадлежатъ такія несмѣтные богатства, не стѣсняясь, бросилась къ нему на шею и стала его цѣловать.

— Спасибо тебѣ, дядя, говорила она.—Теперь я буду любить тебя, какъ родного отца, и всю свою жизнь буду ухаживать за тобой!

И онъ почувствовалъ, какъ эта ея искренняя ласка сладчайшей струйкой полилась ему прямо въ самое сердце. Кромѣ его дочери Мелеиды его не ласкалъ такъ искренно еще никто. Всѣ боялись его или льстили ему, говорили ему хвалебныя слова, но въ нихъ не было и тысячной доли той искренности и теплоты, какія были даже въ самыхъ скромныхъ ласкахъ Мелеиды и Ситы.

— Я не знаю, чѣмъ-бы я могла отблагодарить тебя? спросила его Сита.

— Приходи ко мнѣ почаще въ мою хижину, отвѣтилъ онъ,— вотъ и все. Когда ты будешь приходить, то я буду менѣ страдать.

— А ты страдаешь? У тебя есть горе?

— Когда-нибудь ты объ этомъ узнаешь, а до тѣхъ поръ не оставляй меня, дитя, приходи ко мнѣ иногда. Этимъ ты сдѣлаешь для меня гораздо больше, чѣмъ я сдѣлалъ для твоего отца.

И съ этихъ поръ Сита стала каждый день приходить къ Ифизу. Робкая сначала, она стала мало-помалу дѣлаться смѣлѣе и скоро засыпала его просьбами о другихъ.

Не стараясь проникнуть въ его тайну, она рассказывала ему о тѣхъ несчастныхъ бѣднякахъ, которыхъ постигло такое же горе, какъ и ея отца, и умоляла его похлопотать за нихъ передъ управителемъ дворца Ифиза. Онъ охотно исполнялъ ея просьбу, бѣдняки получали помощь и дѣлались счастливыми, но съ каждымъ днемъ число ихъ увеличивалось все болѣе и болѣе, такъ какъ Сита съ неутомимостью разыскивала ихъ сама и приводила ихъ къ Ифизу. Богачъ увидалъ, что въ своемъ горѣ онъ былъ не одинъ, что были люди несчастнѣе его, и что не было на землѣ ни одной семьи, ни одного дома, въ которыхъ бы не было въ томъ или иномъ видѣ несчастья. И что-бы сдѣлать пріятное Ситѣ, онъ всѣмъ имъ помогалъ, чѣмъ могъ, сталъ ходить къ нимъ въ гости, навѣщать ихъ больныхъ, радоваться ихъ радостью и

это скоро-же наполнило его жизнь. Высокій, блѣдный, печальный, съ ласковой улыбкой на губахъ, онъ былъ желаннымъ гостемъ вездѣ и никто не лгалъ ему, никто ему не льстилъ и всѣ съ радостью его принимали. Его повсюду сопровождала Сита и куда-бы они ни приходили, всюду позади ихъ оставалось счастье и они сѣяли его по своему пути щедрою рукой. Ифизъ мало-по-малу нашель свое спокойствіе и морщины стали разглаживаться на его лицѣ. Вернется ли къ нему счастье?

И вдругъ на Ифиза свалился новый ударъ: заболѣла и Сита. И какъ прежде у изголовья дочери, такъ и теперь цѣлыми днями онъ сталъ просиживать у изголовья этой чужой для него дѣвочки. Ребенокъ хворалъ цѣлыя недѣли. Ифизъ не ѣлъ и не спалъ и все время проводилъ около больной. Теперь онъ уже больше не думалъ о себѣ. Единственною его мыслью, единственнымъ его желаніемъ было спасти Ситу. И она выздоровѣла. Увидѣвъ ее снова здоровой, онъ залился горячими слезами. Но это уже были слезы не горя, а радости и счастья. И вотъ они вновь забродили по залитымъ солнцемъ полямъ, стали собирать цвѣты, слѣдить за бабочками, слушать пѣніе птицъ и онъ, какъ маленькій, радовался природѣ и сталъ находить красоту тамъ, гдѣ ея раньше даже и не замѣчалъ.

— Но вѣдь въ саду у Ифиза лучше, говорила ему Сита.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, — тамъ все искусственно и устроено за деньги. Здѣсь-же все просто и правдиво и самъ Богъ всюду рассѣялъ красоту. Посмотри на это дерево. Какъ красиво раскинулись его зеленыя вѣтви. Сравни его съ тѣми подстриженными деревцами, которыя ты видѣла въ саду у Ифиза!

И она заливалась счастливымъ, звонкимъ смѣхомъ, сама не зная почему, вѣроятно потому, что выздоравливала послѣ болѣзни, а, глядя на нее, начиналъ смѣяться и онъ. Къ нему возвращалось счастье.

Однажды послѣ долгой прогулки, усталые, они опустились на срубленное дерево и вдругъ увидѣли себя около великолѣпнаго дворца Ифиза. Онъ подумалъ съ минуту и затѣмъ сказалъ:

— Если-бы ты захотѣла, то мы могли-бы здѣсь съ тобою жить.

Она не поняла его.

— Помнишь, продолжалъ онъ, — ты какъ-то спрашивала у меня о моихъ страданіяхъ? Я тебѣ отвѣтилъ тогда, что со временемъ я тебѣ о нихъ скажу. Теперь время это настало. Я не тотъ, за кого ты меня принимаешь; я не странникъ и не бѣднякъ, а тотъ самый Ифизъ, которому все это принадлежитъ. У меня была дочь, я ее любилъ, но она умерла. Въ отчаяніи я обошелъ весь свѣтъ,

но нигдѣ не находилъ себѣ успокоенія. Я думалъ только о своемъ горѣ и забывалъ, что существуетъ горе и у другихъ. Но вотъ я встрѣтился съ тобой. Ты научила меня понимать, что самое лучшее средство забыть о своемъ горѣ,—это вспомнить о горѣ другихъ и постараться облегчить его и я сталъ его облегчать. Ты научила меня также понимать правду, отличать ее отъ лести и лжи и любить природу именно такую, какую создалъ ее Богъ. Хочешь ты замѣнить мнѣ дочь? Хочешь поселиться со мною въ этомъ дворцѣ?

Она пришла въ восторгъ. Новизна положенія, роскошь, цвѣты, мраморныя стѣны и обстановка увлекли ее, захватили—и она отвѣтила „хочу“.

И они поселились во дворцѣ. Сначала все для нея тамъ было ново и занимало ее. Она бѣгала по усыпаннымъ песочкомъ дорожкамъ сада, ѣла необычную для нея пищу и одѣвалась въ роскошные костюмы. Всѣ слуги разступались передъ ней и съ любезной, но неискренней улыбкой, почтиительно ей кланялись. Но скоро все это потеряло для нея прелесть новизны, и прискучило ей: ее потянуло къ роднымъ полямъ и лѣсамъ, гдѣ можно было безъ всякаго стѣсненія побѣгать босыми ножками прямо по травѣ, ей стали противны ея костюмы, въ которыхъ нельзя было дѣлать, что хо-

чешь, и которые стѣсняли ея движенія и лишали ее свободы, слуги внушали ей страхъ, а главное—ей не доставало людей, съ которыми она была близка и которыми могла-бы оказать какую-нибудь услугу. И, повѣсивъ печально голову, она бродила по аллеямъ сада и по комнатамъ дворца и ей было стыдно, что она такъ неблагодарна къ Ифизу, и не можетъ оцѣнить всего того, что онъ ей предоставилъ.

Однажды ей захотѣлось ѣсть. Она подошла къ Ифизу и сказала ему объ этомъ. Онъ подождалъ къ себѣ слугу и приказалъ ему подать ей поѣсть.

— Чего-бы вы хотѣли? спросилъ ее слуга.

Она смутилась, покраснѣла и опустила глаза.

— Гречневой каши... отвѣтила она.

Слуга тоже смутился и почтиительно сказалъ:

— Не знаю, едва-ли сейчасъ найдется у насъ во всемъ домѣ гречневая крупа. Вѣдь ее ѣдятъ только простые люди и бѣдняки!

Простые люди и бѣдняки! А развѣ она, Сита, не изъ простыхъ и не изъ бѣдняковъ? Но развѣ это помѣшало ей любить ближнихъ и правду и искренно восхищаться природой? Развѣ это помѣшало ей быть счастливой самой и дѣлать счастливыми другихъ?

И такъ же робко, какъ она гово-

рила о кашѣ, она подошла къ Ифизу, обняла его за шею и слезы заблистали у нея на глазахъ.

— Дядя, обратилась она къ нему,—отпусти меня домой...

— Зачѣмъ? удивился онъ.

— Тамъ хорошо, тамъ есть травка, по которой можно побѣгать, ручей, въ которомъ можно выкупаться и птицы, которыхъ можно послушать...

— И только?

Она еще ниже опустила головку.

— Нѣтъ, тихо, почти шопотомъ отвѣтила она:—тамъ еще есть люди такіе-же, какъ и я.

Онъ оглядѣлся вокругъ себя.

Да, она права, эта маленькая Сита! Тамъ дѣйствительно ее будетъ окружать природа и она дѣйствительно будетъ жить среди людей, которыхъ она любитъ и которымъ довѣряетъ вполнѣ.

А здѣсь, въ его роскошномъ домѣ, этого нѣтъ.

И онъ посмотрѣлъ на эту маленькую плѣнную птичку, взялъ ее на руки и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ну, что-же? сказалъ онъ.— Уходи.

— Прощай, дядя! обрадовалась она и бѣгомъ пустилась къ калиткѣ.

Съ минуту онъ постоялъ въ нерѣшительности.

— Постой, Сита, подожди! крикнулъ онъ ей вслѣдъ.—Подожди немного!

Она остановилась. Онъ подошелъ къ ней.

— Ты хочешь меня снова оставить здѣсь? спросила она.—Ты раздумалъ?

Онъ улыбнулся и отвѣтилъ:—

— Нѣтъ, я тоже хочу уйти вмѣстѣ съ тобой! Я тоже хочу быть счастливымъ!

И, взявшись за руки, они отправились въ лѣсъ къ тому мѣсту, гдѣ еще цѣла была убогая хижина Ифиза, гдѣ весело распѣвали птицы въ густыхъ вѣтвяхъ деревьевъ, гдѣ жизнь была еще правдива и проста и вся природа оставалась еще такою, какою создалъ ее Господь.

Старый Гномъ.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова, означающія:

- 1) — мя = принадлежность сѣдла,
- 2) — са = узкая песчаная отмель,
- 3) — ря = предвѣстница восхода солнца.

Отгадать пропущенные слоги и составить изъ нихъ новое слово,

которое означаетъ названіе насѣкомаго.

Какое это насѣкомое?

II.

Задуманы два слова, означающія:

- 1) ми — = часть облаченія архіерея.
- 2) со — = ночная птица.

Отгадать пропущенные слоги и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ, то, чего много за городомъ.

Что это такое?

III.

Названія какихъ городовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Эта задача рѣшена неправильно; ее нужно сдѣлать вновь.

2) Мы были за границей, жили въ Мюнхенѣ и нашли баварцевъ очень милыми, гостепріимными людьми.

3) Всю ночь на мосту лаяла собака; на нее неприятно дѣйствовалъ свѣтъ луны.

4) Всю ночь мама дышала тяжело и стонала; у нея сильно болѣла грудь.

5) Такъ носилъ шляпу дожъ венеціанскій и ему въ этомъ подражали всѣ.

6) Мы ходили по грибы; въ лѣсу мы нашли много ягодъ и много поганокъ, но хорошихъ грибовъ такъ и не нашли.

7) Сегодня попрошу я васъ быть внимательными и слушать, что я буду объяснять.

8) Наступила весна и на деревьяхъ появилась первая завязь; малина и крыжовникъ дали уже большія почки и скоро зацвѣтеть смородина.

9) На рѣкѣ, у могучаго дуба туманъ поднялся и поползъ цѣлымъ облакомъ.

IV.

Пошли на базаръ два отца, два сына, дѣдушка и внукъ. Купили

они каждый по арбузу. Сколько они купили арбузовъ?

V.

Когда собака бѣгаетъ задомъ?

VI.

Дуль сильный, противный вѣтеръ и воздухоплаватель, будучи не въ состояніи летѣть дальше, долженъ былъ спуститься на землю. Почему онъ не могъ продолжать свой путь?

VII.

Сапожникъ послалъ мальчика въ лавку и далъ ему на покупку чая денегъ. Мальчикъ вернулся безъ чая и безъ денегъ.—„Гдѣ деньги?“ спросилъ его сапожникъ.—„Я потерялъ ихъ“, отвѣтилъ мальчикъ. Тогда сапожникъ больно выдралъ его за уши. За что онъ его выдралъ?

VIII.

Вдоль рѣки Днѣстра летѣла стая стрекозъ, а по берегу паслись козы и мирно щипали траву. Поднялся вѣтеръ и загналъ стрекозъ на самую середину рѣки. Онѣ упали въ воду и потонули. Что дѣлали на днѣ стрекозы?

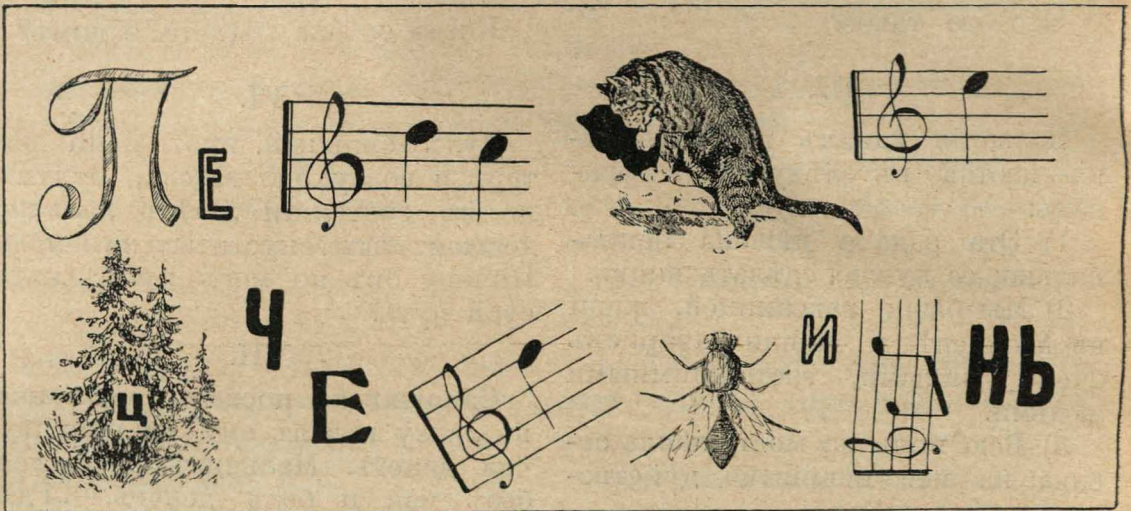
IX.

Слово состоитъ изъ восьми буквъ и означаетъ названіе добраго безплотнаго духа. Всѣ буквы въ этомъ словѣ—различныя: нѣтъ ни одной одинаковой. Изъ этихъ буквъ можно составить слѣдующія слова: арфа, рисъ, ферма, миръ, рифма, Самара.

Отгадать задуманное слово.

Ребусъ № 16.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки и ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

ЛУЧШІЙ ПОДАРОКЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшіи годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3 р. 65 к. за экз.; безъ переплета—по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 копѣекъ за экземпляръ).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 22.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 341

LECTURE 10

THE ELECTROMAGNETIC FIELD

The electric and magnetic fields are related by the Maxwell equations. In the absence of charges and currents, the fields satisfy the wave equation. The electric field is perpendicular to the magnetic field, and both are perpendicular to the direction of propagation. The speed of light is the speed at which the fields propagate.

The Poynting vector represents the energy flux of the electromagnetic field. It is the cross product of the electric and magnetic fields. The continuity equation relates the divergence of the Poynting vector to the negative of the time rate of change of the energy density.

The radiation field is the part of the electromagnetic field that carries energy away from the source. It is characterized by the fact that the electric and magnetic fields are perpendicular to each other and to the direction of propagation.

The radiation field is produced by accelerating charges. The radiation field is the part of the electromagnetic field that carries energy away from the source.

The radiation field is the part of the electromagnetic field that carries energy away from the source. It is characterized by the fact that the electric and magnetic fields are perpendicular to each other and to the direction of propagation.

The radiation field is the part of the electromagnetic field that carries energy away from the source. It is characterized by the fact that the electric and magnetic fields are perpendicular to each other and to the direction of propagation.

The radiation field is the part of the electromagnetic field that carries energy away from the source. It is characterized by the fact that the electric and magnetic fields are perpendicular to each other and to the direction of propagation.

The radiation field is the part of the electromagnetic field that carries energy away from the source. It is characterized by the fact that the electric and magnetic fields are perpendicular to each other and to the direction of propagation.

Годъ изданія четвертый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1911 годъ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА

Повѣсти, разсказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

12 вырѣзныхъ выкроекъ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ: книга «Въ тепломъ гнѣздышкѣ»—сборникъ разсказовъ для дѣтей съ рисунками.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: для иногороднихъ: въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровский проспектъ, 22, для городскихъ подписчиковъ: въ известнѣхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга. Кромѣ того, подписка принимается также во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ Россійской Имперіи.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

